

Продолжая смеяться, румын вскинул винтовку, дуло оказалось на уровне Зинкиного живота. В животе стало холодно и очень просторно...

Когда фашисты пришли на юг Украины, они передали союзникам-румынам большой кусок нашей земли вместе с Одессой. Те завели в городе оперетку.

«Да, это вам не немецкая оккупация», — говорили между собой обыватели.

Забрали евреев. «Пока — евреев», — комментировал одноногий сапожник дядя Сема, сидевший на низенькой скамеечке у флигеля.

Показывали кино: шли красивые немецкие фильмы из мирной жизни...

Заживо сожгли тысячи людей. Но это «аж где», на Люстдорфской дороге, «за партизан», — объяснял кому-то дядя Сема.

Открылись школы. Зинкина школа стала гимназией, мама отравила туда младшую дочку.

Зинкен — так иронично, на немецкий манер, звала ее старшая сестра (та в отместку была «Ларкен») — выдержала ровно один день. Забросила ранец под кровать и с вызовом сказала:

— Не пойду я туда больше! Там Закон Божий читают. Хотела я батюшке объяснить, что никакого бога нет...

— Не понял? — хмыкнула Ларкен.

— Куда, из класса выгнал! Темный какой-то...

Зинкен была пионерка и атеистка, как все из первого советского поколения. Где ж ей было знать, что ее отец, дед и прадед закончили в свое время семинарию?

Про гимназию дома больше не заговаривали, зато дали Зине два серьезных поручения: стирать на море белье и добывать в санатории соль. Мыло и соль были на вес золота.

Первое поручение Зинкен любила. Они собирали с соседской Шуркой таз рубашек, маек, платяев — один на двоих — и тащили в Отраду. Почти скатившись вниз по крутому склону (если что и вывалил в пыли — все равно ж стирать!), по белому сухому песку торопились к морю.

Море тихое-тихое, не штормит. Можно носиться друг за другом по берегу. Белье подождет!

Вволю набегавшись, под-

ружки вспоминали о нестиранном белье и, набрав красной жирной глины, от души мазали его и терли. Полоскание, отжимание, долгая дорога наверх, «раздел имущества» во дворе. Шурка ныряла в парадную, Зинкен, нагруженная тазом, сворачивала к флигелю.

Не то хождение за солью. Туда не побежишь вприпрыжку. Жорка принес весть, что в Лермонтовке есть соль. Целая гора у самого входа!

— Брешешь! — ахнули девочки.

— Та шоб у меня батька с войны не вернулся! — вскинул руку в салюте Жорка (пионеры не «божатся»).

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ирина Крайнова

ЗА СОЛЬЮ

Вечером послали «разведку» к высокой ограде Лермонтовского санатория.

Соль была! Сверкала себристикой горкой совсем рядом с оградой. Часовой с винтовкой вышагивал рядом.

«Манлихер! Честное пионерское, Манлихер!» — горячо зашептал Васька. Видя оружие мальчишки знали назубок.

Да, соль была. И все равно что не было. А жидкий суп на шпонке-кукурузе по-одесски — без соли совсем не лезет в рот. Мама Жорика пробовала выпаривать морскую воду, на дне осталось немного соли. Едкая горечь забила и лук, и шпонку. Потом долго у всех болели животы. У Зинки мама врач, она сказала, что соль прямо из моря нельзя, ее еще нужно хорошенько очистить и обеззаразить.

Решили идти к Лермонтовке всем двором. Всех сразу не убьет. Про винтовку мамам, понятное дело, не сказали.

Стайка ребятиншек приблизилась к калитке и несмело остановилась. Бойкий Васька и тот присмирел, выгаликивая вперед Зинку: «Иди, проси, у тебя вид жалостный». Зинкен была не возрасту мала, худая, только и была на лице, что огромные темные глаза. И — бесценный Зинкин дар: они моментально наполнялись слезами.

Часовой настороженно обернулся.

— Дядичка, можно сольки взять, совсем чуточку? — зачастила Зинкен, молитвенно складывая ладоши. Глаза, конечно, на мокром месте.

— Сольки? — недоуменно повторил румын.

— Саре — соль по-вашему, — высунулся вперед умный Жорик, добавив для верности по-немецки. — Ну, цальтс...

— Юде? — ткнул часовой пальцем в темноглазую смуглую Зинку. Ее часто принимали за еврейку.

— Ни, рус! — диалог вел Жорик, все как языки проглотили.

— Гряка? — не поверил румын.

— Ну, пусть грека, — разрешил Жорка, тихонько подталкивая девочку в спину.

Румын милостиво разрешил Зинке набрать соли в маленький полотняный мешочек. И наставительно произнес, обращаясь ко всей ватаге:

— Давай порумб — саребери.

Дети не знали, что то за «порумб». Расшифровал незнакомое слово дядя Сема, у него в Молдавии жила сестра:

— Та шпонки фашист захотел. Ну, вы даете — чумаки прямо! А шо, мой дед за солью в самый Крым ходил...

Зинкину соль честно поделили на всех — вышло по щепотке на брата. Взрослые собрали по чуланам осенние початки и снарядили ребят.

Кукурузы румын хотел много, соли давал мало — едва успели набрать. Кто прямо в карман ссыпал, кто в носовой платок.

Часовой был на месте и через несколько дней. Его словно забыли сменить. Ребята высыпали из мешка последние осенние початки. Румын поискал глазами и поманил Зинку. Та, обмирая, вышла вперед.

— Не порумб. Мамалига! Мамалига давай — саре бери.

А шпонку назад не отдал. Не солоно хлебавши поплелись новоявленные чумаки домой.

На другой день весь двор — у кого еще оставалась кукурузная мука — варили

мамалыгу. Горячее золотистое варево слили в один казанок. У тети Мани нашлась ложка постного масла — сбобрить кашу. Еще теплый казанок понесли в Лермонтовку. Румын как ждал их.

Тут же достал ложку. Ел, сопел, урча от удовольствия, ястребиным оком успеваю следить, кто сколько соли насыпал. Ленивым криком отгонял тех, кто «перебрал».

— Во жрет румын, шоб он был здоров! — ворчали мальчишки и снова, отдуваясь, тащили в санаторий полный казанок.

Румын при виде их не двинулся с места:

— Не мамалига — плачинда давай! Плачинда, бринза давай — саребери.

Зинкен знала, что кукурузная мука у них последняя — мама высыпала всю до щепотки. Отдала муку и Васькина мать, потерявшая кормильца еще в июле, не лучше дела у других ребят. А плачинда (по-румынски плачинда) просит муки и масла, соли и сахара, яиц... А с брынзой — еще и творога, зелени. Забытые доверенные продукты... Тетя Инна пекла как-то плачинды давно... еще в прошлой жизни.

Зинка не заметила, как выступила вперед.

— Дядичка, нет у нас масла, яиц, брынзы... пожалуйста, возьмите нашу мамалыгу, вы ж любите!..

— Гряка, не мамалига*, плачинда давай!!

По всему, пора уходить. Васька бочком-бочком подвигался к казанку, пытаясь забрать его обратно. Румын,

улыбаясь, заступил ему дорогу. Тут регировался и Васька.

Но Зина не тронулась с места. Теперь и муки дома нет. Придет мама с дежурства в туберкулезном диспансере измученная, голодная... Платили ей, как «низшей расе», гроши... А она из ненависти к фашистам не говорила, что природная немка...

В девочке медленно закипала ярость.

— Нет плачинда, мамалига да! — почти выкрикнула она, не замечая, что, как румын, коверкает слова.

Продолжая смеяться, фашист вскинул винтовку. Дуло оказалось на уровне Зинкиного живота. В животе стало холодно и очень просторно. Щелкнув затвором, он прицелился. Ноги девочки вросли в землю чугунными столбами... Тихо ойкнула где-то, на другом конце света, Шурка и испуганно смолкла.

— Пуф-пуф! — громко крикнул часовой и весь затрясся от смеха, довольный своей шуткой. — Иди, гряка, иди! Не плачинда — не саре.

Мальчишки втащили помертвевшую Зинку в калитку, повели по переулку. Сама идти она уже не могла. Так кончились походы «чумаков» за солью.

... Сигуранца бралась за дело основательно. Облавы, аресты, массовые еврейские расстрелы.

День освобождения Одессы Зинка с сестрой и братом встретили на темных тесных антресолях, где их прятала мать. Отступая, фашисты угоняли молодежь, брали уже всех без разбору, еврей ли, русский или украинец. Дядю Сему тоже забрали — донесли, что сапожничает инвалид без лицензии. Моя мама — Зинка была она — всю жизнь боялась тесных строений и ружейных выстрелов. И лучше 10 апреля не было для нее праздника.

ОДЕССКИЙ СЛОВАРИК

- **БРЫНЗА** — рассольный сыр
- **МАМАЛЫГА** — кукурузная каша, основная еда одеситов в годы войны
- **МАНЛИХЕР** — род винтовки на вооружении румынской армии в начале второй мировой войны
- **ПЛАЧИНДА** — молдавский пирог с начинкой
- **ПОРУМБ** — кукуруза по-румынски
- **СИГУРАНЦА** — тайная румынская полиция в годы второй мировой войны
- **ЧУМАКИ** — украинские казаки, которые ходили за солью
- **ЮДЕ** — так немцы называли евреев

ОДЕССКИЕ НОВОСТИ

Олег Иосифович Губарь успел сделать много. Последние семь лет его жизни чередовались: дом-больница-капельница-дом. И он торопился, много работал.

К 40 дням ухода из жизни писателя в большом читальном зале Национальной научной библиотеки состоялась презентация иллюстрированного альбома «История и легенды одесского Пассажа», пятого в серии «Старая Одесса в фотографиях». Издание готовили Олег Губарь и Евгений Волокин. В нем рассказывается о том, что происходило с одним из самых известных зданий Одессы с момента постройки и до наших дней. В альбоме собраны уникальные документы и 282 фотографии, большинство из которых публикуются впервые.

Евгений Волокин:

— *Работа над альбомом, мы так распределили работу. Олег Губарь взял на себя историю дома Крамарева, стоявшего ранее на этом месте, и историю быта «Пассажа» до революции. Я занимался сбором послереволюционных материалов. Все это вместе дает картину, как менялся город, а с ним и «Пассаж».*

Сотрудники отдела одессики ОННБ к этому

событию подготовили выставку творческого наследия Олега Губаря «Влюбленный в Одессу». Здесь собраны книги, альбомы, журнальные публикации Олега Иосифовича, начиная с первых его произведений, изданных в начале 90-х: «Пушкин, театр, Одесса», «Воронцов и Воронцова», «История азартных игр в Одессе».

«Человек с улицы Тираспольской», иллюстрированный альбом «Одесса, Пале-Рояль», «Старые дома», «Автографы Одессы», «Весы и меры старой Одессы», «101 вопрос об Одессе», «Очерки ранней истории евреев Одессы», «Первые кладбища старой Одессы», «Невинные прогулки», «Second hand» и «Second foot», «Энциклопедия друзей», «Мое собачье дело», публикации практически во всех журнальных и газетных изданиях.

Заведующая отделом искусств библиотеки Татьяна Щурова рассказала историю знакомства с писателем:

— *В 70-е годы очень активно работала научная секция книги при Доме ученых. Это был еще один университет. В секцию входили: А.Ю.Розенбойм, И.Чопп, М.Р.Бельский, Лущик, Е.Голубовский, О.Губарь. Эти люди знали и*

любили книгу и учили этому других. В те же годы Олег уже регулярно посещал «Горьковку». Мы с ним оказались фанатами книги, исследовательской работы, людьми «одной группы крови», это нас сдружило на долгие годы. К Олегу можно было в любое время обратиться за консультацией. Он никогда не щадил себя, не считался со временем. Его сотрудничество с библиотекой было взаимообогащающим. Он мог работать с утра и до позднего вечера. В планах библиотеки — издать библиографический справочник и сборник воспоминаний друзей и коллег Олега Губаря.

Такие книги мы издали о Сергее Лушке, об Александре Розенбойме. И сам бог велел подготовить и выпустить книги об Олеге Губаре.

Успел завершить Олег Иосифович и, пожалуй, главный труд жизни — «Пушкинский путешественник». Близкий друг О.И.Губаря, почетный гражданин Одессы Михаил Пойзнер собирает средства на издание последнего литературного исследования ушедшего из жизни О.И. Губаря. А городские власти приняли решение назвать именем писателя и краеведа улицу Одессы.